

немного времени и внимания, что отражало небольшое значение данного визита в глазах китайского двора.

Таким образом, проведенный анализ источников позволяет выделить особенности китайского дипломатического этикета в XVII в., которые мешали иностранным послам договориться с Китаем:

Китайская империя считала себя центром мира («Поднебесной»), а императора — «Сыном Неба». Дипломатические отношения строились через призму этой концепции, где другие страны воспринимались исключительно как вассалы. Именно поэтому все послы должны были совершать обряд коу-тоу, а официальным языком дипломатической переписки был китайский. Иностранцам приходилось изучать китайский язык и использовать китайские иероглифы для общения с властями. Также значительную роль в китайском дипломатическом этикете занимали подарки, которые должны были соответствовать статусу императора Китая. Как в росписи Ф.И. Байкова, так и в статейном списке Н.Г. Спафария подчеркивается, что вопрос о подарках имел большое значение. При этом само пребывание послов в столице строго контролировалось: им было запрещено свободно передвигаться по городу, а в посольском дворе за ними следил караул. Это было стремлением китайцев не допустить распространения какой-либо информации, способной скомпрометировать их.

В конечном счете, несмотря на разные подходы и методы, ни одно из этих трех посольств не смогло добиться серьезных прорывов в отношениях между Россией и Китаем. Тем не менее они заложили основу для будущих контактов и способствовали накоплению в России знаний о Китае.

1. Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. — М. : Наука, 1969. — 238 с.

2. Демидова, Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова) / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. — М. : Наука, 1966. — 158 с.

3. Мясников, В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. — 2-е изд., доп. / В. С. Мясников. — Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1987. — 516 с.

4. Мартынов, А. С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции / А. С. Мартынов // Народы Азии и Африки. — 1972. — № 5. — С. 72–82.

5. Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы : в 2 т. / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. — М. : Наука, 1969–1972. — Т. 1 : 1608–1683. — М., 1969. — 613 с.

Базарова Т.А.

ПИСЬМА И РЕЛЯЦИИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ ИЗ СТАМБУЛА: ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Ключевые слова: письма, реляции, рескрипты, Петр I, русские дипломаты, Османская империя, Стамбул.

По условиям Константинопольского договора (1700), подписанного после окончания русско-турецкой войны 1686–1700 гг., Петр I получил возможность создать постоянное дипломатическое представительство в Стамбуле. Первым петровским послом при Высокой Порте стал стольник Петр Андреевич Толстой (1645–1729), который прибыл в Османскую империю в 1702 г.

Согласно полученной в Москве инструкции, П.А. Толстой был обязан не только предоставить по возвращении на родину статейный список в Посольский приказ, но регулярно сообщать о ходе переговоров и изменении политической ситуации при османском дворе. Письма посол П.А. Толстой, а затем сменившие его П.П. Шафиров и М.П. Шереметев (полномочные министры, а затем послы в 1711–1714 гг.), А.И. Дашков

(чрезвычайный посланник в 1719–1721 гг.) и И.И. Неплюев (резидент в 1721–1735 гг.) адресовали главе Посольского приказа, а затем Коллегии иностранных дел.

Доставку писем осуществляли разными способами. Одни письма с разрешения Высокой Порты отправляли с курьерами, в том числе с рейтарами (в конце XVII в. была организована Киевская рейтарская команда) или переводчиками. Другие послания (как правило секретные) передавали с греческими купцами, священниками, доставляли «под конвертом» послов дружественных держав при османском дворе в Вену. П.А. Толстой также пересылал свои донесения через господарей Валахии и Молдавии. Впрочем, уже начале 1710-х гг. послы опасались отправлять письма в Москву при посредничестве господарей. Особенно после того, как бесследно исчезло несколько конвертов, посланных из Стамбула при посредничестве Константина Брынковяну.

В годы Северной войны существовала опасность, что письма будут перехвачены неприятелем, поэтому послания шифровали либо целиком, либо наиболее важную часть. Для дипломатической переписки Посольская канцелярия разработала специальные «цифирные азбуки». Они, как правило, представляли собой шифры замены, когда одной букве алфавита соответствовал определенный знак (цифра, буква или специально придуманный символ). Русских дипломатов получали «азбуку» при отъезде в Стамбул. У них не было возможности поменять шифр, поэтому дипломаты использовали применяли одну и ту же систему на протяжении всех лет пребывания в Османской империи.

Наиболее важные послания дублировались и посылались с разными людьми различными путями. На верхнем поле копий указывали: «дубликат», «трипликат» и даже «квадрипликат». До российских столиц курьеры добирались больше месяца. Случалось, что копию письма доставляли в Москву или Санкт-Петербурга раньше оригинала. К тому же, не все отправленные послами письма доходили до адресатов. В свою очередь и распоряжения из Посольского приказа приходили в османскую столицу с большой задержкой. Осенью 1713 г. канцлер Г.И. Головкин рекомендовал П.П. Шафирову: «...впредь посылать одни писма на Киев, откуда к нам часто бывают посылки, а дубликаты чрез Вену. И тако, государь, будут даходить надежно» [3, с. 282].

Для того чтобы избежать путаницы, в начале писем из Москвы или из Стамбула адресант упоминал, когда и какие послания были получены и на какое из них дается ответ. Не позднее 1708 г. в правом или левом верхнем углу стали ставить номер, что позволяло более точно отслеживать доставку и ответы на полученные послания. Например, в 1711 г. П.П. Шафиров из турецкого лагеря сообщил Г.И. Головкину: «Ваше писание под номером 4-м от 20-го июля получено сего июля в 23 день» [2, с. 214]. В 1713 г. Г.И. Головкин написал вице-канцлеру в Стамбул: «Писма милости вашей, писанные из Андриянополя от 10-го и 19-го, да дубликат с отправленного чрез иерусалимского патриарха от 26 (которое еще подлинное сюды не бывало), да от 28-го июля я здесь на сих днях получил <...> А слышал, что было от вас 19-го числа к его царскому величеству, с которого ныне при последнем вашем от 28-го я трипликат получил» [3, с. 262–263]. В Посольском приказе и в Стамбуле велись записи о полученных и отправленных письмах. При необходимости имелась возможность их сверить.

С середины 1710-х гг. письма начинают сменяться рескриптами и реляциями. Историки дипломатии связывают этот процесс с реформами государственного управления. В.Н. Александренко отметил, что первую реляцию в Москву отправил посол А.А. Матвеев из Лондона 20 мая 1707 г. Он писал, что «реляция суть донесения государю, а письма – сообщения канцлеру или вице-канцлеру» [1, с. 340]. В 1716 г. руководство Посольской канцелярией потребовало уже от всех русских послов писать «ко двору о всяких делах реляциями на имя государя, а не письмами к канцлеру» [1, с. 341]. 4 апреля 1716 г. П.П. Шафиров предупредил посла при прусском дворе А.Г. Головкина о необходимости

«писать реляциями к государю как во всем свете обыкновенно, то принуждены будем искать затисфакции на вас <...> а буде что чрезвычайно секретно, то мочно особливими реляциями или поскриптами писать» [5, л. 460].

Первые реляции к царскому двору еще по пути в Стамбула отправил посланник А.И. Дашков (в 1719 г.). Полученная им инструкция предписывала «...доносить его царскому величеству почасту и нужное писать данною ему цыфирью, а реляции свои отправлять чрез известных корреспондентов, а с нужными делами посылать ко двору его царского величества и нарочных куриеров» [6, л. 16].

А.И. Дашков (как и прибывший на резиденцию в Стамбул И.И. Неплюев) получал рескрипты и в ответ отправлял реляции с курьерами напрямую в Москву или в Санкт-Петербург, а также пересылал через посольства в европейских столицах [4]. Как и письма, реляции были «публичные» и секретные (зашифрованные). В левом верхнем углу рескриптов и реляций ставили номер. Реляции дипломатов начинались с обращения «Всемилоостивейший царь государь». Посланник заканчивал их собственноручной подписью «вашего величества всеподданнейший раб Алексей Дашков».

Тем не менее, письма не ушли из дипломатической практики. Русские дипломаты по-прежнему предпочитали использовать письма как более привычную для обмена мнениями форму. В переписке А.И. Дашкова и И.И. Неплюева с канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым помимо важной политической информации содержались личные просьбы и пожелания. Эти послания также могли называть «реляциями». В 1720-х гг., когда в Коллегии иностранных дел, подготовили выписку, касающуюся состояния турецких дел, отправленные П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым письма именовали «реляциями».

1. Александренко, В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. / В. Н. Александренко. – Т. 1. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 553 с.

2. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : исследование и тексты / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.

3. Базарова, Т. А. Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1713 г. / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2023. – 392 с.

4. Государева, М. Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20–30-е годы XVIII века / М. Ю. Государева // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. – 2011. – № 1. – С. 89–98.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 1/6.

6. РГАДА. – Ф. 89. Оп. 1. Д. 8.

Красинский И.В.
МЕМУАРЫ МАРТИНА МАТУШЕВИЧА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЫВОДА ШЛЯХЕТСТВА
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, вывод шляхетства, Мартин Матушевич, мемуары Мартина Матушевича, социальная мобильность, источники истории ВКЛ.

Доказательство принадлежности к шляхетскому сословию, или «вывод шляхетства», представляло собой процедуру, в ходе которой шляхта ВКЛ предоставляла письменные доказательства и свидетельства других шляхтичей для подтверждения своего благородного происхождения. В современной историографии подобные явления известны по процессу «разбора шляхты» конца XVIII–XIX вв. [1, с. 3], однако для шляхты белорусских земель ВКЛ такая практика существовала уже с конца XV – начала XVI в. [9]. Законодательное оформление процедуры началось с «Уставы о выводе шляхетства за примовою» 1507 г. [8, с. 277] и было развито в